

На правах рукописи

Фуэнтес Гонсалес Серхио Альберто

**МЫСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В НАТУРФИЛОСОФИИ И. КАНТА:
ФУНКЦИИ, ПРЕДЕЛЫ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ**

Специальность: 5.7.2. – История философии (философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Калининград – 2026

Работа выполнена в Высшей школе философии, истории и социальных наук ОНК «Институт образования и гуманитарных наук» федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта».

Научный руководитель:

Чалый Вадим Александрович доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Официальные оппоненты:

Грифцова Ирина Николаевна доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Зильбер Андрей Сергеевич кандидат философских наук, доцент кафедры философии, медиа и журналистики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Защита состоится «16» октября 2026 года в 16:00 на заседании диссертационного совета 24.2.273.07, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», по адресу: 236022, г. Калининград, ул. Чернышевского, 56а, аудитория «Скрипториум».

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» (г. Калининград, ул. Университетская, д.2) и на сайте университета: <https://kantiana.ru/postgraduate/dis-list/fuentes-gonsales-serkhio-alberto/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Тесля Андрей Александрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Хотя сам И. Кант никогда не пользовался термином «мысленный эксперимент», он широко прибегал к этой особой форме гипотетического рассуждения — как в своих натурфилософских сочинениях, так и в теоретической философии «Критики чистого разума», где она принимает форму «эксперимента чистого разума». Кантоведческая литература квалифицирует в качестве мысленных экспериментов целый ряд его рассуждений, однако делает это локально, без систематического описания приёма в масштабе всего кантовского корпуса. Настоящая диссертация восполняет данный пробел, определяя функции, пределы и сферу применения мысленных экспериментов в натурфилософии И. Канта докритического и критического периодов и устанавливая его место в современной философии данного приёма.

Актуальность темы исследования. Настоящее исследование возникает из концептуального напряжения, обнаруживаемого в кантоведческой литературе в связи с целым рядом обозначений, применяемых к своеобразной форме рассуждения. Разные интерпретаторы пытались зафиксировать этот способ аргументации посредством различных терминов, которые не совпадают между собой, но все сходятся в стремлении прояснить практику, остающуюся одновременно центральной и ускользающей в философии И. Канта. Особое влияние оказал терминологический выбор М. Калина¹, который охарактеризовал трансцендентальные доказательства в «Критике чистого разума» (далее — КЧР) как *Gedankenexperimente* («мысленные эксперименты»; далее — МЭ). В его интерпретации доказательство принципа причинности во «Второй аналогии» принимает форму *reductio ad absurdum*: если отрицать причинность, то рушится само различие между объективным и субъективным временем. Однако, по мнению М. Калина, эта стратегия не позволяет утвердить принцип как синтетический *a priori*, а сводит его к тавтологии, поскольку посылка уже предполагает то, что утверждается в выводе.

¹ Kalin M. G. Kant's Transcendental Arguments as Gedankenexperimente // Kant-Studien. 1972. Vol. 63, № 1–4. P. 315–328.

Х. Зигфрид² предложил иное концептуальное решение, говоря о «трансцендентальном эксперименте» (*transcendental experiment*) и подчеркивая тем самым то, что он считал методологическим ядром КЧР. В этой перспективе Кант моделирует философское исследование по образцу экспериментального метода естественных наук, но приспособливает его к априорной сфере. Так как объекты не могут подвергаться эксперименту до того, как они даны в опыте, кантовская процедура состоит в том, чтобы экспериментировать с самими понятиями и принципами чистого разума: он конструирует их, подвергает испытанию и проверяет, не впадает ли разум без них в противоречие и становится ли с их помощью сама возможность опыта постижимой.

Термином *Gedankenexperiment* М. Калин и Х. Зигфрид отсылают к традиции Э. Маха (1905)³, популяризовавшего понятие в начале XX века; его современник П. Дюэм с преднамеренным скепсисом говорил о «*фиктивных экспериментах*» (*expériences fictives*, 1906)⁴. Однако ни тот, ни другой не разрабатывали свои подходы в кантовском ключе: их рассуждения оставались привязанными к методологии естественных наук, а не к трансцендентальному проекту. В более недавней интерпретации Р. Цукерт⁵ продолжает линию, близкую к Х. Зигфриду, читая паралогизмы и антиномии КЧР как априорные эксперименты, в которых разум через собственную неудачу демонстрирует свои пределы.

Тем не менее важно помнить, что современный словарь термина «мысленный эксперимент» не восходит ни к Э. Маху, ни к П. Дюэму. Введение

² Seigfried H. Transcendental Experiments // Proceedings of the Sixth International Kant Congress: Current Continental Research / Ed. by G. Funke, T. M. Seebohm. Washington, D.C.: UPA, 1989. P. 341–350.

³ Мах Э. Познание и заблуждение: Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 458 с.

⁴ Duhem P. M. M. The Aim and Structure of Physical Theory. Princeton: Princeton University Press, 1954. 344 p.

⁵ Zuckert R. Attempting to Exit the Human Perspective: A Priori Experimentation in Kant's Critique of Pure Reason // Knowledge from a Human Point of View. Synthese Library / Cham, Switzerland: Springer Open, 2020. P. 1–18.

самого термина относится к Хансу Кристиану Эрстеду, который в 1811 году создал датское слово *Tankeexperiment* и его немецкий эквивалент *Gedankenexperiment*. Хотя непосредственные интересы Х. К. Эрстеда были связаны с натурфилософскими демонстрациями, а не с критической системой Канта, он прямо указывал в «Общем введении в физику» (1811)⁶, что «Метафизические начала естествознания»⁷ (1786; далее: «Метафизические начала») Канта содержат «наиболее прекрасные» примеры метода мысленных экспериментов.

Наиболее существенно, однако, что сам Кант пользовался близким понятием. В предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» он говорит об «эксперименте чистого разума» как о методологическом краеугольном камне трансцендентальной философии. В «Критике практического разума» он даже сравнивает философа с химиком, производящим «эксперимент над практическим разумом каждого человека», чтобы отличить моральное основание определения воли от эмпирического (5: 92)⁸.

Ни одно из этих обозначений не совпадает с другими полностью. Однако, заимствуя выражение Людвиг Витгенштейна, можно сказать, что их объединяет семейное сходство: все они указывают на существование формы рассуждения, разыгрываемого в гипотетическом ключе, способного проверять сферу действия понятий, принципов и созерцаний без посредства прямого наблюдения или эмпирического вмешательства.

Из всех конкурирующих обозначений — *Tankeexperiment*, *Gedankenexperiment*, *expérience fictive*, «трансцендентальный эксперимент»,

⁶ Ørsted H. C. First Introduction to General Physics: A Prospectus of Lectures in this Science // Selected Scientific Works of Hans Christian Ørsted / Ed. by K. Jelved, A. D. Jackson, O. Knudsen. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1998. P. 282–309.

⁷ Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения в шести томах. Т.6. М.: Мысль, 1966. С. 53–176.

⁸ Кант И. Критика практического разума // Сочинения на немецком и русском языках. Т. 3: Основоположение к метафизике нравов (1785); Критика практического разума (1788) / Под ред. Э. Соловьёва и др. М.: Наука, 1997. С. 527–529.

«априорный эксперимент», «мысленный эксперимент» — наиболее устойчивым, хотя и парадоксально сочетающимся с самыми размытыми концептуальными границами, является последнее. На этом концептуальном фоне, определившем разнообразные интерпретации разных этапов философии Канта, может быть поставлен руководящий вопрос настоящего исследования: использовал ли Кант мысленные эксперименты и, если да, то какие функции он им приписывал? Какую роль они играли в развитии его философии? Размышлял ли он об их эпистемическом статусе и набросал ли, пусть даже лишь имплицитно, контуры философии эксперимента?

Степень разработанности проблемы. Современная литература о философии мысленных экспериментов обычно связывает кантовскую эпистемологию с проблемой информативности МЭ: если мысленный эксперимент сообщает новое знание, требуется объяснить источник такой информации⁹. Постановка вопроса обострилась в споре Д. Нортон¹⁰ и Д. Брауна¹¹, где, вслед за А. Муэ и соавторами, позиция Брауна описывается через платонический рационализм, а позиция Нортон — через классический эмпиризм¹². Обращение к Канту оправдано в пределах спора о соотношении рационального и эмпирического компонентов познания. Именно на этом фоне формируется неокантианская линия, к которой обращается и настоящая работа.

Неокантианские интерпретации МЭ давно обходят прямой вопрос о смысле априори, предлагая разные способы его переосмысления. Узел проблемы один: способна ли воображаемая конструкция расширять знание без опоры на

⁹ Brendel E. Intuition Pumps and the Proper Use of Thought Experiments // *Dialectica*. 2004. Vol. 58, № 1. P. 89–108.

¹⁰ Norton J. Why Thought Experiments do not Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / Ed. by C. Hitchcock. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. P. 44–66.

¹¹ Brown J. R. Why Thought Experiments Transcend Empiricism // *Contemporary Debates in Philosophy of Science* / Ed. by C. Hitchcock. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2004. P. 23–43.

¹² Moue A. S., Masavetas K. A., Karayianni H. Tracing the Development of Thought Experiments in the Philosophy of Natural Sciences // *Journal for General Philosophy of Science* / *Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie*. 2006. T. 37. № 1. P. 69.

наблюдение? М. Буццони¹³ отвечает не через противопоставление опыта и априорности, а через их внутреннюю связь: априорные структуры обретают смысл, лишь упорядочивая опыт, и потому воображаемая конструкция важна не сама по себе, а как форма организации возможного опыта.

Иной акцент предлагает И. Фехиге: у него априори приобретает более релятивизированное и исторически подвижное толкование¹⁴. Кантовская проблематика переносится в контекст меняющихся научных описаний, а сами условия, при которых нечто считается априорным, перестают выглядеть неизменными. Такой ход перекликается с концепцией М. Фридмана, в которой рамки априорного знания трансформируются вместе с исторической сменой научных теорий¹⁵.

Данная исследовательская линия получила развитие и в русскоязычной литературе. Её важными источниками стали работы В. С. Библера¹⁶ о мышлении как творчестве и исследования А. В. Ахутина¹⁷. Анализируя галилеевскую науку, Ахутин приходит к выводу, близкому куновской интерпретации: эксперимент преобразует само мышление и стирает границу между реальным и воображаемым опытом. В. П. Филатов¹⁸ предлагает более сдержанную, проверочно-ограничительную трактовку: МЭ не создаёт нового знания о реальности и не доставляет априорного знания, а проверяет внутреннюю

¹³ Buzzoni M. Thought Experiments from a Kantian Point of View // *Thought Experiments in Philosophy, Science, and the Arts*. Routledge Studies in the Philosophy of Science. New York: Routledge, 2013. P. 97.

¹⁴ Fehige Y. The Relativized a priori and the Laboratory of the Mind: Towards a Neo-Kantian Account of Thought Experiments in Science // *Epistemologia*. 2013. Vol. 36, № 1. P. 55–73.

¹⁵ Friedman M. Kant, Kuhn, and the Rationality of Science // *Philosophy of Science*. 2002. Vol. 69 (2). P. 171–190.

¹⁶ Библиер В. С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 399 с.

¹⁷ Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента от античности до XVII в. М.: Наука, 1976. 292 с.

¹⁸ Филатов В. П. Мысленные эксперименты и априорное познание // *Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 49, № 3. С. 25.

состоятельность теоретической схемы. И. Д. Невважай¹⁹ возражает, что Филатов отождествляет «новое знание о реальности» и «априорное знание», различает гносеологическую и онтологическую функции метода и развивает трансцендентально-семиотическую интерпретацию. Эта линия характеризует приписываемую МЭ функцию как «трансцендентальную» в неокантианском смысле, сближаясь с подходом М. Буццони.

Особую позицию занимает С. Вирвидакис²⁰, обращающийся не к современным теориям МЭ как к заранее готовой рамке, а к самой логике кантовских текстов: воображаемые сценарии работают у Канта не абстрактно, а в тесной связи с анализом опыта. Тем самым мысленный эксперимент предстаёт у Канта не универсальным методом, а средством, которое уточняет и испытывает уже действующие познавательные структуры.

Кант не использовал термин *Gedankenexperiment*, поэтому реконструкция кантовской философии МЭ требует соотнесения кантовских текстов с позднейшей теорией научной рациональности²¹. За последние три десятилетия исследования МЭ выработали несколько конкурирующих моделей, где мысленный эксперимент объясняется через аргумент, модель, интуитивную проверку, концептуальное прояснение или исторически закреплённый тип научной практики. Коллективные тома 1990-х годов классифицировали МЭ по историческому контексту, области применения, философским предпосылкам и

¹⁹ Невважай И. Д. О гносеологической и онтологической функциях мысленного эксперимента // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 49, № 3. С. 28–35; Он же. Трансцендентализм как программа развития эпистемологии // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58, № 2. С. 70–94.

²⁰ Virvidakis S. On Kant's Critique of Thought Experiments in Early Modern Philosophy // Thought Experiments in Methodological and Historical Contexts. History of Science and Medicine Library. Boston: Brill, 2011. P. 138.

²¹ Brown J. R. The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. 2nd ed. New York: Routledge, 2011. 226 p.; Sorensen R. A. Thought Experiments. New York: Oxford University Press, 1992. 318 p.; Kühne U. Die Methode des Gedankenexperiments. 1. Aufl., Originalausg. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2005. 409 p.

смежным критериям²². М. Стюарт и И. Фехиге дополнили картину количественным обзором литературы с 1980-х годов: с 1988 года они насчитывают не менее 13 монографий, семи сборников и восьми специальных выпусков журналов, посвящённых мысленным экспериментам²³.

Объём литературы о МЭ свидетельствует об устойчивом интересе к теме, но вместе с тем обнаруживает и более глубокую проблему — размытость самого понятия. Т. Кун сформулировал ее предельно ясно: ни один мысленный эксперимент не может выступать универсальной моделью для всех исторически значимых случаев, поскольку сама категория МЭ слишком широка и внутренне неоднородна, чтобы ее можно было без остатка подвести под единую схему²⁴. Та же трудность возникает и в кантоведении: слишком жесткое определение МЭ неизбежно отсекает фрагменты, которые важны и в философском, и в историческом отношении, хотя по своей форме не совпадают с поздними стандартами научного мысленного эксперимента.

Иллюстрацией могут служить три случая, которые современная литература относит к кантовским МЭ. В эссе «О первом основании различия сторон в пространстве» (1768) Кант, обращаясь к человеческим рукам как к примеру «неконгруэнтного подобия», предлагает вообразить, что первой созданной вещью в мире была человеческая рука²⁵, и тем самым переводит проблему различия сторон из плоскости отношений между телами в плоскость пространственной ориентированности как таковой; В. В. Васильев связывает

²² Horowitz T., Massey G. J. (eds.). *Thought Experiments in Science and Philosophy*. Savage, MD: Rowman & Littlefield, 1991. 335 p.; см. также: *Thought Experiments in Philosophy, Science, and the Arts*. New York: Routledge, 2013. 268 p.; *The Routledge Companion to Thought Experiments* / Ed. by M. T. Stuart, J. H. Y. Fehige, R. Brown. London; New York: Routledge, 2018. 567 p.

²³ Stuart M. T., Fehige Y. *Motivating the History of the Philosophy of Thought Experiments* // HOPOS: The Journal of the International Society for the History of Philosophy of Science. 2021. Vol. 11, № 1. P. 212.

²⁴ Kuhn T. S. *A Function for Thought Experiments* // *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1977. P. 241.

²⁵ Кант И. *О первом основании различия сторон в пространстве* // *Сочинения в шести томах*. М.: Мысль, 1964. С. 370–378.

этот случай с пересмотром понимания пространства²⁶. Критический период даёт уже другой тип мысленно-экспериментального хода: поэтапную абстракцию от всего, что рассудок и ощущение приписывают телу, в начале «Трансцендентальной эстетики» (A20 / B35)²⁷ Л. Шабель²⁸ читает как мысленный эксперимент, обосновывающий правомерность науки об a priori чувственности. Наконец, в позднекритический период И. Фехиге и М. Стюарт²⁹ усматривают кантовское доказательство, организованное в формате МЭ: анализируя воображаемую ситуацию, в которой человек мог бы непосредственно воспринимать силу притяжения, Кант показывает равную фундаментальность сил отталкивания и притяжения³⁰.

Рассмотренные примеры принадлежат разным этапам кантовского творчества и различны по строению. Именно в этой неоднородности и состоит главное: кантовские тексты содержат не один тип МЭ, а несколько, причём доказательная сила каждого зависит от исторического контекста и от того, как воображаемая конструкция связана с трансцендентальными условиями опыта.

Объект исследования — концепт мысленного эксперимента как особая форма научного рассуждения.

Предмет исследования — функции, пределы и сфера применения мысленных экспериментов в натурфилософских и эпистемологических сочинениях Канта докритического и критического периодов.

Цель исследования — на основе историко-философской реконструкции и концептуального анализа дать систематическое описание функций, пределов и сферы применения мысленных экспериментов в натурфилософии И. Канта и тем

²⁶ Васильев В. В. Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие, 1998. 160 с.

²⁷ Кант И. Критика чистого разума (В [1787]) // Соч. на нем. и рус. яз. М.: Наука, 2006. 1081 с.

²⁸ Shabel L. The Transcendental Aesthetic // The Cambridge Companion to Kant's Critique of Pure Reason. Cambridge Companions to Philosophy / Ed. by P. Guyer. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010. P. 95.

²⁹ Fehige Y., Stuart M. T. On the Origins of the Philosophy of Thought Experiments: The Forerun // Perspectives on Science. 2014. Vol. 22, № 2. P. 201.

³⁰ Кант И. Метафизические начала естествознания. С. 107.

самым определить место Канта в современной философии мысленного эксперимента.

В соответствии с целью поставлены следующие **задачи исследования**:

1. Анализ историко-философских истоков и структурных особенностей мысленных экспериментов в античности, Средневековье и раннем Новом времени.

2. Определение сходства между мысленными экспериментами Канта и парадигматическими случаями на других этапах развития науки и философии.

3. Реконструкция кантовской иерархии опыта — различения опыта, наблюдения и эксперимента — и её роли в формировании понятия «эксперимента чистого разума».

4. Сбор корпуса мысленных экспериментов, встречающихся в различных фазах интеллектуального развития кантовской натурфилософии.

5. Анализ особенностей использования и функций мысленных экспериментов у Канта в докритическом и критическом периодах.

6. Соотнесение кантовского понимания мысленного эксперимента с современными эпистемологическими моделями и выявление его значимости для философии науки.

Хронологические и типологические рамки исследования определяются двумя осями. В хронологическом отношении работа охватывает, с одной стороны, длительную предысторию метода — от античности через средневековую схоластику к натурфилософии раннего Нового времени, — а с другой, и прежде всего, собственно кантовский корпус: от докритических «Мыслей об истинной оценке живых сил» (1749) и «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755) через «Критику чистого разума» (1781/1787) до «Метафизических начал естествознания» (1786); верхней границей служит первая рецепция кантовского метода у Х. К. Эрстеда (1811), значимая для истории самого понятия мысленного эксперимента.

Типологически круг анализа очерчивается не априорным определением, а теми кантовскими фрагментами, которые исследовательская литература уже

квалифицировала как мысленные эксперименты. Граница исследования проходит по теоретической философии и естествознанию Канта; гипотетические конструкции практической философии в этот круг не входят, поскольку выполняют иную, нормативную по своему характеру функцию. Тем самым за рамками работы остаётся ряд важных, но самостоятельных тем — в частности, роль воображаемых сценариев в этике и философии права.

Методология и методы диссертационного исследования. Работа выполнена в историко-философском ключе, в духе аналитической реконструкции, сочетающей восстановление логики кантовских рассуждений с прояснением их понятийного содержания. Кантовские МЭ анализируются на четырёх взаимосвязанных уровнях. Логико-эпистемический реконструирует строение отдельного случая: его инференциальную форму, функцию и осуществляющие его познавательные акты — воображение и построение в созерцании. Философский ставит вопрос об эпистемическом статусе МЭ как такового: здесь конкурируют эмпиристская редукция МЭ к аргументу, рационалистический (платонический) подход и конструктивизм. Исторический помещает случай в контекст эпохи и научной парадигмы; метаисторический прослеживает, как менялись сами представления о МЭ. Различение уровней не предполагает жёстких границ: установки одного влияют на оценки на других.

В исследовании применяются следующие **методы**:

а) рациональная реконструкция, восстанавливающая имплицитную логико-аргументативную структуру кантовских мысленно-экспериментальных рассуждений — их посылки, шаги вывода и заключения — на каждом этапе его творчества;

б) аналитический метод — концептуальный анализ, проясняющий ключевые понятия (опыт, наблюдение, эксперимент, «эксперимент чистого разума»);

в) логический анализ формальных и неформальных доказательств, выявляющий инференциальную форму каждого случая;

г) метод сравнительного анализа, сопоставляющий докритическое и критическое применение мысленных экспериментов между собой и с парадигматическими случаями из истории науки и философии;

д) типологический метод, систематизирующий выявленные случаи и позволяющий выстроить таксономию кантовских мысленных экспериментов.

Эмпирической базой исследования выступают, во-первых, натурфилософские и теоретические сочинения Канта — «Мысли об истинной оценке живых сил», «Всеобщая естественная история и теория неба», «Критика чистого разума» и «Метафизические начала естествознания», — привлекаемые по «Академическому изданию» (Akademie-Ausgabe) и в русских переводах; во-вторых, студенческие конспекты кантовских лекций по физике, прежде всего «Danziger Physik» К. Ц. Мронговиуса; в-третьих, учебники и лексиконы естествознания XVIII века (И. Ламберт, И. Х. Эрксleben, Г. Карстен, И. Г. Вальх), позволяющие реконструировать понятийную среду кантовского экспериментализма; и, в-четвёртых, корпус современной исследовательской литературы о мысленных экспериментах и об их употреблении у Канта.

Научная новизна работы заключается в:

- систематической таксономии кантовских мысленных экспериментов, впервые охватывающей все этапы философской эволюции Канта и восполняющей заметный пробел в русскоязычной историографии, где докритические сочинения оставались на периферии внимания;
- реконструкции кантовской иерархии опыта, наблюдения и эксперимента и выявлении её корней в учебной и лексикографической литературе XVIII века, что позволяет обосновать происхождение понятия «эксперимент чистого разума»;
- привлечении к анализу студенческих конспектов кантовских лекций по физике, прежде всего «Danziger Physik», как источника реконструкции кантовского понимания эксперимента;
- демонстрации функциональной неоднородности кантовских мысленных экспериментов (эвристическая, иллюстративная, апологетическая,

опровергающая и трансцендентальная функции) и многообразия их логических форм — от аналогии до *reductio ad absurdum* и косвенного доказательства;

- выявлении внутри «эксперимента чистого разума» двух гетерогенных родов — трансцендентально-дискурсивного и созерцательно-математического — и переоценке на этом основании места Канта в истории философии мысленных экспериментов.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его положения могут быть использованы для дальнейших разработок в историко-философском кантоведении, эпистемологии и истории экспериментального метода. Предложенная таксономия, в частности, открывает новые возможности для интерпретации тех фрагментов кантовского корпуса, которые ранее не рассматривались в свете мысленного экспериментирования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно расширяет имеющийся перечень мысленных экспериментов и позволяет глубже изучить как историю экспериментального метода, так и философию на метаметодологическом уровне. Кроме того, учитывая интуитивный характер многих мысленных экспериментов, их простоту и красочность, рассмотренные в данной диссертации случаи могут быть использованы в преподавании и дидактике философии и даже в популяризации философии Канта.

Положения, выносимые на защиту:

1. Античные, средневековые и ранненовременные мысленные эксперименты сохраняют общие логико-аргументативные и функциональные черты, однако внутри этой преемственности происходит и заметное смещение: логико-регулятивные сценарии постепенно уступают место физически идеализированным конструкциям. Важна именно двойственность движения: с одной стороны — наследование, с другой — переосмысление. В такой исторически выстроенной рамке кантовское использование мысленных экспериментов может быть атрибутировано в смысле, релевантном истории

самого понятия; в той же рамке проясняется и специфика, и новизна того, что Кант обозначает как «эксперимент чистого разума».

2. Кантовское различие опыта (Erfahrung), наблюдения (Beobachtung) и эксперимента (Experiment), при котором эксперимент понимается как активное вмешательство, не возникает на пустом месте. В его основании лежит классификационная схема, уже присутствовавшая в учебниках по физике и в лекционной культуре эпохи. Отсюда и вырастает концептуальная рамка, внутри которой становится возможным само понятие «эксперимента чистого разума». Позднее именно оно займет центральное место в критическом проекте и обнаружит черты, которые затем станут узнаваемыми и для современных дискуссий о мысленных экспериментах.

3. В «Критике чистого разума» «эксперимент чистого разума» не исчерпывается статусом метафоры. Его функция строже. Речь идет о регулятивной идее, работающей по аналогии с эмпирическим экспериментом: разум посредством такого хода испытывает пределы собственных понятий и одновременно проверяет условия возможности знания.

4. Кант обращается к мысленным экспериментам и в докритический, и в критический период, но делает это не в одной и той же функции. Их роль варьируется: эвристическая, иллюстративная, апологетическая, опровергающая и трансцендентальная. Диапазон применения тоже широк. Сюда входят и созерцательные, прежде всего математические, построения, характерные для его натурфилософии, и дискурсивные процедуры, разворачиваемые в рамках общей метафизики. Картина получается неоднородной. Именно в этом и состоит ее значение: кантовская экспериментальная практика оказывается структурно разнообразной и не сводится к одной методологической модели.

5. Кантовское понимание «эксперимента чистого разума» не образует единой непрерывной линии с другими случаями употребления мысленных экспериментов у Канта. Напротив, внутри него различимы два гетерогенных рода. Один связан с трансцендентально-дискурсивными процедурами, испытывающими условия возможности опыта; другой — с математическими

построениями в пределах естественной философии. Научная литература нередко сглаживает это различие, создавая впечатление внутреннего единства и тем самым поддерживая представление о всеохватывающей кантовской «философии мысленных экспериментов». Картина, однако, сложнее. Апелляция Канта к экспериментальной рациональности носит плюралистический характер: она предвосхищает более поздние споры о мысленных экспериментах, но сама по себе в единую доктрину не складывается.

Апробация результатов исследования осуществлялась через участие в научных мероприятиях: международных конференциях, организованных лабораторией «Кантианская рациональность» (БФУ им. И. Канта), — «Кантианская рациональность в философии науки» (онлайн, 2020 г.) и «Кантианская рациональность в проекте Просвещения» (онлайн, 2021 г.), — IV цикле конференций Университета Санто-Томас (Колумбия, 2021 г.), летней школе «Наследие Канта и философия будущего» (г. Калининград, 2023 г.), всероссийской конференции «Искусственный интеллект в кантианской перспективе» (г. Калининград, 2024 г.) и Международном Кантовском конгрессе «Мировое понятие философии. Иммануил Кант 1724–2024» (г. Калининград, 2024 г.).

Структура и содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения. Список литературы содержит 142 наименования. Общий объем диссертации — 220 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава – **«ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФИЛОСОФИИ МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ»** – содержит философско-историческую реконструкцию мысленного эксперимента как формы научного воображения: трансформации метода прослеживаются от античности через Средневековье к натурфилософии раннего Нового времени, чтобы выявить формы, функции и переходы, подготовившие обращение Канта к

данному методу. Изложение, организованное в четыре параграфа, подчинено двум тезисам: о преемственности, благодаря которой МЭ на протяжении столетий остаются случаями дисциплинированного использования воображения — направляемого определённой целью, но удерживаемого в пределах логических, методологических и эпистемических ограничений, — и о трансформации, благодаря которой на каждом этапе унаследованные приёмы радикализируются и переосмысляются.

Первый параграф первой главы — «Мысленные эксперименты в античной философии» — посвящён применению этого приёма в досократической, платоновской и аристотелевской мысли. Сопоставляются две взаимодополняющие типизации античного материала: по логической форме рассуждения (Н. Решер; прежде всего *reductio ad absurdum*) и по эпистемической функции (К. Иеродиакону) — поддержке теории, её опровержению или приведению мысли к приостановке суждения. Показано, что не всякий античный МЭ сводим к демонстрации от противного, а сама граница применения воображения остаётся подвижной; к МЭ такого рода, играющим двойную логическую роль — обоснования предпосылок и всеобъемлющего аргумента, — прибегает и Кант. Анализ Платона (вслед за А. Беккером) выявляет условия подлинного МЭ, а анализ Аристотеля (вслед за К. Корцилиусом) — его роль как стратегии порождения данных там, где эмпирический доступ затруднён; последний мотив прямо подготавливает анализ кантовской небулярной гипотезы.

Второй параграф первой главы — «Мысленные эксперименты в средневековой натурфилософии» — показывает расширение роли метода, проникающего в натурфилософию, метафизику, теологию и логику. Выделяются три его отличительные черты: введение новых сущностей через воображаемые конструкции (споры об атомизме и бесконечности); косвенное доказательство, перенесённое в область метафизических и теологических вопросов; и замещение эмпирического испытания там, где наблюдение недоступно (авиценновский «Летающий человек»). Не менее важен выработанный схоластикой взгляд на

законность и пределы таких рассуждений — мета-методология средневековой науки (П. Кинг), сила которой, вопреки П. Дюэму, состояла не в экспериментальном подтверждении, а в достижении рационального согласия через примеры, аналогии и контраргументы: даже процедуры, обозначавшиеся как «опыты» (теория импетуса Ж. Буридана), были, по существу, воображаемыми конструкциями *secundum imaginationem*. Систематическое оформление эта мета-методология получает в трактатах об *obligationes* — первой явной кодификации регламентированного контрфактического рассуждения, прямо предвосхищающей визуализацию с позиции воображаемой плоскости в кантовской небулярной гипотезе.

Третий параграф первой главы — **«Мысленные эксперименты в натурфилософии раннего Нового времени»** — трактует эту эпоху не как разрыв, а как трансформацию: унаследованные приёмы перепрофилируются, их следствия радикализируются, объём мыслимого расширяется. Вслед за К. Пальмерино показано, что оригинальность Г. Галилея состояла не в изобретении МЭ, а в их переосмыслении: средневековые сценарии (метательное движение, падение тел, множественность миров) превращаются в систематическое опровержение, выявляющее внутреннюю несостоятельность аристотелевской физики; деление галилеевской практики на «реальные» и «мысленные» эксперименты П. Пальмери признаёт анахроничным. У Р. Декарта арена эксперимента смещается из физики в эпистемологию: «эксперименты разума» проверяют уже условия достоверности. Наконец, на материале Р. Артура спор И. Ньютона и Г. Лейбница — «аргументы смещения» и эксперимент с ведром — представлен как переосмысление МЭ в качестве проверки на неразличимость, выявляющей метафизическую архитектуру пространства, времени и тождества и продолжающей линию античных доказательств от противного.

Четвёртый параграф первой главы — **«Современные подходы к философии мысленных экспериментов»** — исходит из того, что историческая реконструкция неизбежно опирается на неявные критерии когнитивно значимого употребления воображения. На этом основании очерчиваются

основные позиции современной дискуссии: маховский метод вариации, придающий МЭ статус операции, предшествующей реальному эксперименту; скептическая линия П. Дюэма с его «фиктивными экспериментами» и её пересмотр у М. Буццони; взвешенная позиция К. Поппера, допускающего иллюстративную функцию метода, но ограничивающего его аргументативное применение условием разделяемых предпосылок.

Особое место отводится Т. Куну, усматривающему функцию МЭ в перестройке самой концептуальной схемы: исследователь одновременно узнаёт и о своих понятиях, и о мире. Эта линия прослеживается в русскоязычной традиции — у А. В. Ахутина, В. П. Филатова и И. Д. Невважая, — где вводится различие гносеологической и онтологической функций метода с подвижной границей между ними; приписываемую МЭ функцию правомерно охарактеризовать здесь как «трансцендентальную» в неокантианском смысле.

В завершение параграф размещает исследование относительно спора между аргументативной редукцией Д. Нортон и платонико-рационалистской трактовкой Д. Брауна, видящего в МЭ «фрагмент априорной науки». Фигура Канта предстаёт как ориентир для «срединного» решения: трансцендентально-операциональный подход М. Буццони и его развитие у И. Фехиге сопоставляются с независимой, но конвергентной трансцендентально-семиотической интерпретацией И. Д. Невважая; оба подхода сходятся в том, что эпистемический статус МЭ решается не на эмпирическом или рационалистическом полюсе, а через анализ условий возможности самого физического познания.

Вторая глава – «ЭКСПЕРИМЕНТ В МЕТОДОЛОГИИ КАНТА» – связывает историко-методологическую реконструкцию первой главы с анализом кантовских случаев в третьей. Глава исходит из гипотезы, что натурфилософию Канта нельзя понять без рассмотрения пересечения опыта, наблюдения и эксперимента как эпистемических модальностей. Поскольку Кант не даёт систематического определения эксперимента и не пользуется термином «мысленный эксперимент», реконструкция его экспериментализма опирается на

учебники, философские труды и лексиконы его времени, а также на студенческие конспекты лекций; на этом основании восстанавливается трёхчастная типология опыта, соотносимая затем с кантовской трактовкой эксперимента как «вопроса к природе».

Первый параграф второй главы – «Опыт, наблюдение и эксперимент» – реконструирует понятийное поле кантовского понимания эксперимента. Вслед за А. Ванцо фиксируется отсутствие у Канта самостоятельного определения эксперимента, кроме близкого немецким авторам XVIII века положения: эксперимент предполагает вмешательство, помещающее тела в состояния, в которых они без целенаправленного воздействия не оказались бы. У И. Ламберта («Новый органон», 1764) восстанавливается типология эмпирических форм познания — обыденный опыт, наблюдение и эксперимент, — дополненная различием аналитических и синтетических экспериментов; Эрксleben («Начальные основания естествознания», 1772) формулирует ту же дихотомию, выделяя вмешательство как отличительный признак эксперимента. Значимость этих типологий — в их близости к собственной педагогической практике Канта.

Второй параграф второй главы – «Эксперимент в “Danziger Physik”» – обращается к контексту кантовского преподавания физики: курс, прочитанный в Кёнигсберге не менее двадцати одного раза (1755/56–1787/88), опирался на учебники Й. Эберхарда, Эрксlebена и Г. Карстена. Особое значение придаётся «Danziger Physik» К. Ц. Мронговиуса (1785) — наиболее обширному из сохранившихся студенческих конспектов, созданному между первым и вторым изданиями «Критики» и за год до «Метафизических начал естествознания». В пролегоменах к этому курсу восстанавливается многоуровневая классификация: различие рационального и эмпирического познания природы, естественного описания и естественной истории, а главное — типология опыта, в которой обыденному опыту противопоставляется искусственный, подразделяемый на наблюдение и эксперимент; критерием различия выступает вмешательство. Сопоставление с И. Ламбертом, Эрксlebenом, И. Г. Вальхом и Г. Карстеном показывает, что концептуальная архитектура кантовской типологии в

наибольшей мере восходит к И. Ламберту, дополненному ясностью Эркслебена, тогда как Г. Карстену принадлежит переходная, терминологически-дидактическая роль.

Третий параграф второй главы – «Эксперимент как вопрос к природе» – переходит к функции эксперимента в критической философии. Отправной точкой служит положение предисловия ко второму изданию «Критики», где разум подходит к природе не как ученик, а как судья, заставляющий свидетеля отвечать на поставленные вопросы; эта интеррогативная модель трактуется не как метафора, а как методологический ключ. Показано её родство с экспериментальной программой Р. Бойля (в реконструкции С. Шейпина и С. Шаффера) и с экспериментальной философией Ф. Бэкона, на которую Кант прямо опирается — в «Danziger Physik» Ф. Бэкон назван пионером философского осмысления эксперимента; та же интеррогативная структура прослеживается у И. Ламберта. Завершает параграф указание на Х. К. Эрстеда, продолжающего эту традицию и впервые вводящего термин «мысленный эксперимент» в размышлении над «Метафизическими началами естествознания» (см. § 3.4).

Четвёртый параграф второй главы – «Эксперимент чистого разума» – переносит анализ на экспериментальный характер самой «Критики чистого разума». Кант представляет критический проект как эксперимент чистого разума, исходная гипотеза которого состоит в том, что разум познаёт а priori в вещах лишь то, что сам вносит в предметность опыта; экспериментальная логика переносится из области природы в область условий познания, где варьируется не объект, а способ соотнесения разума с объектом. Механизм проверки уточняется через химическую аналогию редукции (Й. Лемански, М. Штикер): метафизический анализ разделяет чистое познание на явления и вещи сами по себе, тогда как идея безусловного выполняет активную структурирующую роль третьего элемента — угля в шталевском восстановлении металла.

Привлечение маховского метода вариации позволяет описать кантовский ход в единой схеме с естественнонаучными примерами — при принципиальном

отличии: реальный эксперимент эмпирически проверяет гипотезу, тогда как эксперимент чистого разума представляет собой трансцендентальный аргумент. Рассматривается альтернатива Б. Фулкерсон-Смита, прочитывающего его как бэконовский «светоносный эксперимент», решающий между трансцендентальным идеализмом и реализмом, и реконструкция роли И. Ламберта в работе Канта с антиномиями (К. Пише). В итоге эксперимент получает у Канта не вспомогательный, а производящий статус: эксперимент чистого разума предстаёт самоназначенным испытанием границ собственных понятий разума, чем подготавливается аналитика кантовских МЭ в третьей главе.

Третья глава – **«АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ МЫСЛЕННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ В НАТУРФИЛОСОФСКИХ СОЧИНЕНИЯХ КАНТА»** – применяет выработанные основания к конкретным случаям кантовского корпуса. Анализ опирается на рабочую эвристику из пяти вопросов: какой тип гипотезы или вариации поставлен на карту, какова инференциальная форма, какую роль получает разум, какую функцию выполняет МЭ (эвристическую, обосновывающую или иллюстративную) и где проходят его эпистемические пределы. Эвристика накладывается на принятую периодизацию, а внутри критического периода — на различие «раннекритического» и «позднекритического» этапов, понимаемое не хронологически, а как различие методологической ориентации: от формулировки трансцендентальных условий опыта к их конкретизации в особой метафизике телесной природы.

Первый параграф третьей главы – «Докритический этап» – движется по двум линиям: историко-научному разбору ранних естественнонаучных сочинений — «Мыслей об истинной оценке живых сил» (1749) и «Всеобщей естественной истории и теории неба» (1755) — и реконструкции проблем, позднее вошедших в критическую философию.

Подраздел 3.1.1 – «Естественная история: небулярная гипотеза» – реконструирует кантовское объяснение происхождения небесных тел из первоначального туманного состояния через притяжение и отталкивание.

Подчёркивается изначально гипотетический статус построения, опирающегося на двойную аналогию — перенос ньютоновских принципов со структуры Солнечной системы на Млечный Путь и звёздные скопления (Э. Уоткинс) — и не получающего эмпирического подтверждения; решающий ход правильнее описывать как гипотетическую универсализацию, а не как строгий аналогический вывод. В кантовской таксономии употреблений разума небулярная гипотеза предстаёт образцовым случаем дискурсивно-теоретического употребления, соединяющего эмпирическое, гипотетическое и регулятивное употребления, а воображаемая визуализация — взгляд на Млечный Путь изнутри мыслимой плоскости — придаёт гипотезе правдоподобие и обнаруживает родство со средневековой процедурой *secundum imaginationem*. В итоге гипотеза квалифицируется как подлинный МЭ в пределах законного употребления разума, выполняющий преимущественно эвристическую и иллюстративную функции: он устанавливает когерентность и модальную правдоподобность при ньютоновских предпосылках, но не доставляет подтверждающих данных.

Подраздел 3.1.2 – «Кант и спор о vis viva» – обращается к области механики. Поле спора задают три понимания силы — картезианское кинематическое, лейбницианское динамическое и ньютоновское, ориентированное на наблюдаемые действия (Т. Б. Длугач); методологическая линия здесь важнее хронологической: спор обнаруживает напряжение между методом метафизики и методом специальных наук. Вслед за Э. Уоткинсом кантовское промежуточное решение связывается с различием естественной реальности и математической формы, а решающие ходы «Живых сил» прочитываются как МЭ — с гипотетической постановкой, модальными вариациями и контрфактическими идеализациями. Разбираются показательные эпизоды: деструктивный МЭ против концепции *vis insita* Г. Э. Хамбергера, контрэксперимент с пружинами в ответ на «бесконечную пружину» Я. Германа и сценарий с плотом и шаром Д. Джурина против лейбницианского учетверения силы. Сопоставление с галилеевской *reductio* о падении тел проясняет, что

идеализация изолирует отношение между переменными, не разрывая связи со знакомым механическим поведением; критерием законности таких построений выступает операциональная представимость (М. Буццони). Мысленные установки работают здесь как эвристические и иллюстративные средства, а в деструктивных контрпримерах — как средство критического давления: они очерчивают границы понятий, достигая когерентности и модальной правдоподобности, но не эмпирического разрешения спора.

Второй параграф третьей главы – «Раннекритические мысленные эксперименты» – сосредоточен на эксперименте чистого разума как МЭ иного типа, чья доказательная основа имеет не эмпирический, а трансцендентальный характер. Трансцендентальная функция демонстрируется на двух случаях: неконгруэнтных подобиях — сценарии с единственной рукой, проходящем через эссе 1768 года, «Диссертацию» 1770 года и «Прологомены» 1783 года и меняющем функцию от критики лейбницианского реляционизма к обоснованию пространства как формы чувственности (В. В. Васильев), — и мысленной абстракции тела в «Трансцендентальной эстетике» (Л. Шабель), выполняющей пропедевтическую функцию.

Анализируется реконструкция М. Калина, читающего трансцендентальные аргументы как МЭ на примере причинности из «Второй аналогии»: их логическая форма — *reductio ad absurdum*, а варьируется не конфигурация мира, но сама структура возможного опыта. И. Фехиге и М. Стюарт усматривают эту разновидность в примерах с домом и лодкой; расхождение о том, считать ли их самостоятельными МЭ или иллюстрациями, снимается гибкой схемой С. Вирвидакиса.

Понятие эксперимента чистого разума распространяется затем на «Критику чистого разума» в целом (М. Буццони, К. Р. Вестфаль): разум искусственно создаёт условия, делающие его притязания наблюдаемыми в форме согласия или конфликта — в антиномиях, паралогизмах и идеале чистого разума; тем самым обнаруживается определяющая роль понятия употребления разума, а спор Д. Нортон и Д. Брауна получает кантовскую переформулировку.

В выводе фиксируется особый, собственно кантовский трансцендентальный тип МЭ: его предметом являются условия возможности опыта, а эпистемический статус — не конститутивный, а регулятивно-критический; эксперимент чистого разума образует методологическое ядро критической философии, тогда как разобранные случаи выступают его локальными реализациями.

Третий параграф третьей главы – «Поздnekритические мысленные эксперименты» – смещает анализ к форономическому полю, где сцену задаёт движение, а не познание. Под мысленным экспериментированием здесь понимается регулируемое использование гипотетических построений в чистом созерцании при явных идеализациях; критерием выступает экспонируемость: построенное в чистом созерцании признаётся пригодным для математической физики.

Подраздел 3.3.1 – «Критика понятия покоя» – разбирает третью Дефиницию «Форономии» как деструктивный МЭ (*reductio ad absurdum*): если допустить, что покой есть лишь отсутствие движения, то тело, равномерно проходящее отрезок туда и обратно, пришлось бы считать покоящимся в точке поворота, а значит — в любой точке траектории. Отсюда Кант переходит к конструктивной замене: покой определяется не отрицательно, а как предельный режим — постоянное пребывание в одном и том же месте, мыслимое через движение с бесконечно малой скоростью на конечном интервале.

Подраздел 3.3.2 – «Построение понятия сложного движения» – обращается к пятой Дефиниции: сложение движений нельзя построить ни в одном лишь абсолютном, ни в одном лишь относительном пространстве — непротиворечиво лишь представление одного движения в абсолютном пространстве, а второго как движения относительного пространства с той же скоростью и противоположным направлением. На примере сложения двух равных скоростей показано, что удвоенная линия не может представлять удвоенную скорость: понятие не поддаётся экспонированию в созерцании, и возникает конфликт разума с самим собой. Уточняя М. Фридмана, параграф формулирует более сильный тезис: экстенсивные величины пространства и

времени и интенсивная величина скорости подчиняются разным, несовместимым правилам сложения. В итоге форономические МЭ картографируют область допустимости понятий движения, покоя и их композиции при конструктивно-регулятивной роли разума и критико-нормативной функции.

Четвёртый параграф третьей главы – «Переосмысление роли Канта в истории философии мысленных экспериментов» – ставит более сильный вопрос: допускает ли натурфилософский проект Канта его трактовку как предшественника систематической теории мысленного экспериментирования. В четырёхчленной периодизации Д. Брауна и И. Фехиге Кант входит в историю косвенно — через эрстедовское чтение «Метафизических начал естествознания», тогда как ранняя методологическая рефлексия связывается с Г. Лихтенбергом и Новалисом; само отсутствие Канта в исходном перечне расценивается как значимый пропуск.

Терминологический перелом относится к 1811 году, когда Х. К. Эрстед вводит слово *Tankeexperiment*, усматривая в «Метафизических началах» образцы «творческого», или генетического, метода. Параграф критически разводит два прочтения: гидростатический пример И. Фехиге и М. Стюарта функционирует как дискурсивно-теоретическая *reductio*, тогда как эрстедовский генетический метод (порождение линии движущейся точкой) соответствует созерцательному (математическому) употреблению разума и отсылает к кинематико-геометрическим построениям «Форономии». Это различие рода, а не степени; его сглаживание порождает эквивокацию термина «мысленный эксперимент» между трансцендентально-дискурсивным и созерцательным смыслами.

Необходимым основанием реконструкции выступает кантовская теория воображения с различением продуктивного и репродуктивного воображения и теорией геометрического построения (М. Фридман). Как отмечает М. Буццони, кантовская точка зрения почти не повлияла на историческое развитие понятия, поскольку философия науки с конца XIX века отвергала априорное знание в кантовском смысле, и эрстедовское прочтение осталось «свободным колесом» в

истории концепта. Итоговая позиция удерживает обе стороны: Канта нельзя исключить из истории МЭ — его тексты дают примеры воображаемых процедур, предельных вариаций и трансцендентальных проверок, — но нельзя и включить как автора ранней теории: эксперимент чистого разума ближе к трансцендентальному методу и химической аналогии, чем к галилеевской или эйнштейновской постановке.

В заключении подводятся итоги, указываются ограничения исследования и обозначаются перспективы дальнейшей работы. Диссертация приходит к плюралистической модели экспериментальной рациональности.

СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ по научной специальности 5.7.2.:

1. Фуэнтес Гонсалес С. А. О мысленных экспериментах у Канта и Витгенштейна и проблеме трансцендентальных аргументов // Кантовский сборник. — 2022. — Т. 41, № 2. — С. 96–121.

2. Фуэнтес Гонсалес С. А. Докритические мысленные эксперименты Канта и спор о Vis Viva // Философская мысль. — 2025. — № 4. — С. 111–127.

3. Фуэнтес Гонсалес С. А. Понятие эксперимента у Канта в контексте натурфилософии XVIII века // Философская мысль. — 2026. — № 5. — С. 185–197.

Публикации в других российских научных изданиях:

1. Фуэнтес Гонсалес С. А. Кант и мысленный эксперимент: методологические границы и исторический контекст // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 7. — С. 211–219.

Фуэнтес Гонсалес Серхио Альберто

**МЫСЛЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ
В НАТУРФИЛОСОФИИ И. КАНТА:
ФУНКЦИИ, ПРЕДЕЛЫ И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Подписано в печать 15.07.2026 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 1,75
Тираж 100 экз. Заказ 58

Отпечатано в Полиграфическом центре
Балтийского федерального университета им. И. Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6